

20 лет назад началась первая чеченская война. Мятёжная республика под руководством генерала Д. Дудаева объявила о выходе из состава Российской Федерации. В Грозном и других городах развернулись репрессии против русского населения и сторонников центральной власти. Тогдашний министр обороны генерал Грачёв заявил, что с одним батальоном возьмёт столицу Чечни. Начальственная “импровизация” обернулась новым громким разгромом российских войск, штурмовавших Грозный. Трагедии войны, бушевавшей на территории России, посвящены материалы известного телекорреспондента и писателя Алексея Борзенко.

АЛЕКСЕЙ БОРЗЕНКО

ЯНВАРСКИЙ СНЕГ

ГОРЯЧИЕ ПИСЬМА

5 января 1995 года густой туман покрыл не только улицы Грозного, но и его пригород. Боевые вертолёты взлетали и садились на свой страх и риск. Было три часа дня, когда два столичных журналиста и оператор со стареньким “Бетакамом” сошли с борта “восьмёрки” прямо в грязь импровизированной “взлётки” в укрепленном в Андреевской долине. Собственно говоря, на площадке в открытом поле не более километра диаметром концентрировалась бронетехника и пехота, и колоннами уходила в сторону Грозного. “На штурм дворца Дудаева”, как говорили солдаты. По периметру укрепленного охраняла “мабута” — пехотинцы-одногодки, а подходы к полю были густо засеяны минами и сигнальными “растяжками”.

Михаил и Антон должны были сделать материал для телеканала, который в основном работал со стороны боевиков. Чтобы оправдаться в непредвзятости, Антона, который только переходил работать на канал, послали освещать события со стороны российской армии. Михаил был заведующим военной редакции в информационном агентстве. Двух старых приятелей объединила общая задача и общая командировка на войну.

Они вдохнули туманный, промозглый воздух чистого поля, поёжились в своих пуховиках. Обоняние улавливало щекочущий ноздри запах керосина от работающего двигателя “вертушки” и еле уловимый сладковатый привкус пороховых газов.

“Откуда порохом пахнет, боя-то нет?” — подумал Михаил, проваливаясь ботинком в десятисантиметровый слой чеченского пластилина, как здесь называли местную грязь.

Оператор Фёдорыч, которому было за 60, аккуратно ступил в грязь в своих лёгких осенних туфлях и сразу же поскользнулся. Михаил подхватил его за

БОРЗЕНКО Алексей Сергеевич — специальный корреспондент новостей канала ТВ-Центр, работал военным репортёром на 1-й и 2-й чеченских войнах, ходил в первой группе журналистов к Шамилю Басаеву в захваченную им Будённовскую больницу. Автор документального фильма о Льве Рохлине “Исповедь генерала”. Освещал войну в Югославии, встречал приход батальона российских миротворцев в Косово. Он также работал на американо-иракской войне в Багдаде, войне в Ливане и Южной Осетии.

плечи, оператор цепко удерживал камеру в руках, готовый плюхнуться в грязь спиной, но только чтобы не повредить аппаратуру.

— Ещё спину сломать не хватало на старости лет... — сказал он. Журналисты отошли от “вертушки” и огляделись.

Чуть в стороне были выкопаны землянки, накрытые сверху мокрым брезентом, из труб вился дымок “буржук”. Слева шеренгой выстроились танки Т-72, БТРы и БМП в количестве не более 30 единиц.

“Пойдут на Грозный”, — подумал Михаил и сразу пошёл к ним, разъезжаясь ногами по скользкой грязи.

У брони копошились чумазы механики, кто-то проверял гусеницы, кто-то копался в двигателе.

— Эй, мужики, когда ваша колонна пойдёт на Грозный? — спросил Михаил у молоденького водителя с соломенными волосами, выбивавшимися из-под танкистского шлема.

— А кто же знает? Или вечером, или завтра рано утром, — был ответ. — Сходи в штабную палатку, её сразу узнаешь, она за госпиталем. Командиры знают лучше...

Михаил поблагодарил и побрёл в сторону штаба. Увидев выходящего из палатки полковника в засаленном бушлате и простой солдатской ушанке, направился к нему.

— Скажите, когда колонна пойдёт на Грозный? Мы журналисты, можете взять нас с собой? — спросил он.

— Колонна пойдёт утром, а пока ночуйте у медиков, вон там их землянки, рядом с операционным модулем. Не спешите в Грозный, там ничего хорошего нет, — полковник сурово посмотрел на журналиста. В его серых глазах читалась многодневная усталость и озабоченность. — Журналистов нам ещё не хватало. На войну спешат... Всё увидите, только пишите правду. Грачёва бы сюда... — полковник пошёл в сторону машины связи, на крыше которой стояла высокая антенна.

Фёдорыч уже снимал всю располоску лагеря, Антон что-то писал в блокноте размашистым почерком. Михаил подошёл к ним.

— Ночевать будем у медиков в землянке, колонна уйдёт утром, — сказал он коллегам.

— А смотри, какое движение в лагере, — отметил телевизионщик.

Тут только Михаил заметил, что Андреевская долина напоминала муравейник. Если у бронетехники движения не наблюдалось, то к фронтовому операционному модулю — несколько машин с кунгами и пристёгнутыми к ним операционными палатками — подвозили на БТРах раненых. Их сразу несли на операцию на носилках. А чуть в стороне, за операционной, были расстелены куски брезента. На них лежали тела убитых и умерших от ран. Михаил насчитал до полусотни тел.

Антон пошёл в сторону операционной, но Фёдорычу не разрешили снимать в ней. Военные врачи валились с ног от работы, операции шли одна за другой. Михаил заметил, что из операционной время от времени выходил врач, который на ходу принимал решение об очередности: кого сразу на стол, кто ещё может подождать.

На носилках принесли парня с обмотанной кровавыми бинтами головой. Врач, бегло взглянув на него, жестом показал — пусть ждёт, всё равно безнадёжный. На стол он так и не попал. Вскоре его тело отнесли к убитым и переложили на брезент. Видимо, врач сразу понял, что он не жилец.

У землянки журналистов встретили отдыхающие санитары, они были не прочь поболтать с вновь прибывшими.

— Разместим вас без проблем, поближе к печке. Не замёрзнете. А вы спирт пьёте?

— Мы все пьём, — ответил Антон.

Землянка имела форму куба, где и по бокам, и в центре были спальные места — не выкопанный квадрат земли, на котором разложили ватники убитых. Чуть в стороне ютилась буржуйка, которую топили без остановки. 80 процентов тепла уходило наружу через брезентовую крышу, а уже в метре от раскалённого докрасна металла было холодно.

“Спать придётся в пуховике, иначе застудим спины”, — подумал Михаил. Им выделили места на эту ночь. Телевизионщики должны спать сбоку по стенке, а его положили на центральный квадрат, где ночевали врачи.

Бросив свою сумку на лежанку, Михаил вышел на воздух.

Быстро вечерело, свинцовые тучи придавили землю, туман усиливался. Со стороны штаба слышался звук молотящего генератора. Вдруг журналист услышал тягучий звук и треск рубящих воздух лопастей тяжелого вертолёта. Со стороны Моздока показалась транспортная “корова”. Она сделала круг над лагерем и тяжело села на “взлётку”. Открылись аппарели, и в грязь стали выходить солдаты с рюкзаками за спиной и новеньким, ещё в масле оружием в руках.

Михаил и Антон, прихватив Фёдорыча, пошли к вертолёту.

В грязи, переминаясь с ноги на ногу, в зелёных бушлатах старого образца и синеватых армейских ушанках стояли первогодки, морские пехотинцы. Их было десятка три.

– Откуда вас прислали? – спросил солдата Михаил.

– Да мы из-под Питера. Кинули нас сюда, ничего не объяснили, только ночью узнали, что едем на войну. Дома у нас не знают, где мы... Будем воевать, – ответил совсем молодой паренёк Василий. Из задранного сверху воротника ватника торчала худенькая шея молодого солдата.

Командир взвода, сержант, парень чуть больше двадцати лет с открытым лицом и ясными голубыми глазами, присоединился к разговору.

– Командир наш сбежал, отказался ехать на войну. Меня назначили командиром взвода уже на погрузке. Ребята все необстрелянные, в армии только три месяца. Вот такие вот дела.

Михаил смотрел на шеренгу мальчишек, которые вжимали головы в поднятые воротники и с любопытством оглядывались по сторонам. Кто-то нахмурился, разглядывая брезент, на котором лежали трупы.

– Как вы будете воевать, братцы? – спросил Михаил. – Стрелять-то умеете?

– Стреляли в “учебке”, по три патрона каждый, – ответил Василий. – Мало, конечно, но ничего, ещё научимся.

Журналисты снимали солдат на камеру, записали интервью с ними.

Михаил, вдруг поддавшись порыву души, предложил:

– Вот что, пишите письма домой, на обороте чётко напишите адреса. Мы через неделю вернёмся в Москву, купим конверты и разошлём ваши письма. Да, читать не будем, обещаю...

– А листик бумажки дадите? – спросил рядовой Василий. Михаил вырвал из блокнота два десятка страниц. – Берите, у кого нет.

Ребята пристроились на патронных ящиках и стали писать. Их лица были сосредоточены.

– Письма пусть старший соберёт и принесёт к землянке медиков, мы там ночуем, – сказал Фёдорыч. Он, убелённый сединами оператор, с отеческой печалью смотрел на молодёжь, которая склонилась над квадратиками белой бумаги. Казалось, всё было грязным здесь: бушлаты, лица, руки, только бумага была девственно чиста. Она даже светилась в наваливающих на долину сумерках.

Журналисты ушли, чтобы не смущать солдат. Написать весточку родным – дело святое и интимное, требует тишины и одиночества. Письма принёс сержант.

– А вы на дворец Дудаева с нами пойдёте? Может, снимете нас в бою? Было бы здорово...

– Мы пойдём с вашей колонной утром, а там как получится, – ответил Михаил, разделяя письма на две стопки. Одну запихнул во внутренний карман пуховика, другую передал Антону.

Сержант пожал руку Михаилу.

– Спасибо вам за письма, а то у ребят родители так и думают, что они в “учебке”. Никому ведь не сказали, куда едем... – он печально улынулся. Михаил с трудом различил улыбку на его лице в сгустившейся темноте.

– До утра. Наверное, с вами на броне пойдём, если места будут.

– Потеснимся, найдём, – тихо ответил сержант.

Михаил спустился в землянку. Вскоре пришли с операций врачи. Они были измучены. Кто-то предложил выпить спирта, кто-то свалился молча на лежанку. Оставшиеся тихо разлили выпивку в металлические армейские кружки и сгрудились у печки, разговор шёл вполголоса.

– Бойня здесь, – сказал военный врач Владимир, закусывая спирт куском хлеба, на котором блестел кусочек сала. – Сами увидите.

– Так мы побеждаем или на месте стоим? – спросил Антон.

– Трудно сказать, генералы молчат. Но по их лицам видно, что там, в городе, всё далеко не так хорошо, – ответил один санитар. – Да мы и по раненым видим: косят нашего брата...

За пределами землянки послышалась редкая стрельба. Это явно был не бой, но журналисты вышли из палатки посмотреть, что происходит. Чуть в стороне, на пустом пятачке, морская пехота лежала в грязи и пристреливала свои новенькие автоматы по патронным ящикам. Ребята стреляли сосредоточенно, как будто за десять минут можно было научиться стрелять. Над ними склонился офицер, что-то объясняя и жестикулируя руками. Этот импровизированный тир не сулил ничего хорошего. Солдаты набивали рожки патронами, боеприпасов никто не жалел.

Журналисты вернулись в землянку к медикам. В духоту и тепло. За разговором прошло более часа.

Тут Михаил вдруг уловил какой-то гул. “Да это звук работающих двигателей. Колонна прогревается!” – пришла ему в голову мысль. Михаил пулей выскочил из землянки, поскользнувшись на продавленной сапогами земляной ступеньке. В темноте ночи он увидел, как колонна бронетехники медленно потянулась к выходу из укрепрайона. На броне БТРов и БМП он еле различил силуэты знакомых морских пехотинцев.

– Нас забыли! Никто не предупредил! – выпалил он, вернувшись в землянку.

Военный врач в годах, подправлявший дрова в печке, вдруг тихим голосом сказал Михаилу:

– Может, это и к лучшему. Утром по-светлому пойдёте в Грозный, со следующей колонной. Утро вечера мудренее. Спите, ребята, уже поздно.

Сон не шёл, спать было неудобно, что-то больно упиралось в рёбра. Михаил нашёл позу на боку и всё-таки задремал. Перед глазами стояли молодые лица мальчишек, которые ушли штурмовать дворец Дудаева. Он тогда не знал, что бои в этот день шли в городе повсеместно, и до дворца было ещё далеко.

Кто-то тряс его за плечо, журналист проснулся.

– Мужики, извините, что будим вас, но нам нужна ваша помощь, – произнёс санитар.

– А что делать? – спросил, вставая с лежанки, Михаил.

– Трупы таскать, людей мало.

Журналисты вышли в предрассветной мгле на свежий воздух из душной землянки. Небо уже стало ярко-синим.

Михаил увидел много расстеленных брезентовых кусков за операционной.

– Пошли, – позвал санитар, – дело нехитрое. А то мы одни не справимся.

Из Грозного стали приходиться БМПшки, которые использовали в качестве труповозок. Сзади на броне на таком же брезенте лежали тела убитых. Их нужно было опустить на землю и рядами разложить на брезенте рядом с остальными. Пoutру придут “вертушки”, и тела увезут на базу в Моздок, а оттуда в цинковых гробах – по всей России.

Сгружать тела было несложно. Санитары опускали их вниз на носилках, а журналисты несли носилки дальше. У брезента просто ставили носилки на землю. Другая группа санитаров уже укладывала погибших на брезент. Попадались тела солдат без ноги или руки. Один был даже без головы. Чьё-то тело было с переломанным позвоночником, лежало в неестественной для человека позе.

И вдруг Михаил опешил. На носилках лежал командир того самого взвода морской пехоты, у которого он брал интервью несколько часов назад. На лбу было небольшое пятно запекшейся крови. Убит снайпером прямо в голову.

Журналисты бережно перенесли тело знакомого сержанта от труповозки к брезенту. Санитары привычными движениями уложили парня на землю. Ему никто не закрыл глаза. На войне такими вещами не заморачивались. Михаил стоял над телом, на глаза наворачивались слёзы. Незнакомый санитар положил рядом с ним новенький автомат сержанта. Миша поднял автомат, на котором сохранилась заводская консервация. Отстегнул магазин. Рожок был почти полный, сержант сделал не более 3–4 выстрелов.

“Даже и не повоевал совсем, погиб в первые минуты боя”, – подумал журналист. Он передёрнул затвор и на тело солдата, лежащего рядом, выпал патрон от Калашникова калибра 5.45. Михаил поднял патрон, на ладони тусклыми отблесками раннего утра блестела дешёвая жестяная гильза, покрытая зеленоватым лаком, и кончик маленькой пули с трассирующим ободком. Он выбросил патрон в грязь, а автомат поставил на предохранитель.

Журналист так и стоял над телом, молча, не поднимая головы. Перед глазами ещё стояла белозубая улыбка и печальные глаза сержанта перед отправкой колонны, перед боем. Ещё живого.

И тут началось. БМПшки стали приходить из города каждые полчаса, привозя на горячей броне по несколько тел. Журналисты взмокли, пуховики набирали влагу. Холодный пот тёк за шиворот. Почти на каждой труповозке Миша находил ребят из отряда морской пехоты. Когда окончательно рассвело, всё прекратилось. Видимо, бой закончился. Журналист подсчитал: из тридцати человек, чьи горячие письма хранились в карманах пуховиков, на холодном, заиндевевшем брезенте лежали двадцать пять тел.

“В живых осталось только пять человек. Все полегли за какие-то два часа боя. Зачем послали на смерть этих необученных и необстрелянных мальчишек?” – с горечью думал Миша, бредя по грязи к землянке медиков.

Новая колонна бронетехники формировалась очень медленно, и он понял, что ещё может вздремнуть часок. Журналист повалился на лежанку, что-то снова больно впилось ему между рёбер в то же самое место. Он отодвинул ватник. Оказалось, что сбоку горкой стояли автоматы, собранные после убитых. Михаил вытащил за ствол мешавший ему автомат, разрядил магазин и передёрнул затвор. Автомат был на боевом взводе, патрон в патроннике. Он так и дремал в начале ночи, когда заряженный Калашников упирался ему в бок.

Сон не шёл, но усталость потихонечку забирала сознание. Увиденное трудно было осознать сразу. “Зачем надо было гнать на верную смерть мальчишек, имея артиллерию, танки, штурмовую авиацию?” – с этой мыслью он забылся на двадцать минут.

С новой колонной журналисты попали в Грозный. Они шли по улицам перебежками от дома к дому. Сверху кое-где работали снайперы, пару раз Михаил с коллегами ложились в грязь лицом, пока где-то наверху наши снайперы вели бой с чеченскими ополченцами. Они шли дальше, перешагивая через заиндевевшие тела наших солдат, погибших ещё во время новогоднего штурма.

Отработав командировку, записав и генералов, и местных жителей, журналисты вернулись сначала в Моздок, потом в Москву. Они сделали большой материал для воскресного выпуска новостей. Ключевым кадром в репортаже стал молоденький паренёк Василий в салатовом бушлатике, не по размеру большой шапке, с автоматом на плече, говорящий о том, что дома не знают, что они в Чечне. Потом этот кадр попадал во многие фильмы о первой чеченской. Некоторые образы и некоторые кадры цепко попадают в историю и становятся её частью.

На следующий день Михаилу позвонил мужчина, который представился полковником в отставке. Оказалось, что это отец Василия, который с удивлением увидел своего сына на войне. Он попросил переписать материал и приехал в гости к журналисту. Михаил отдал ему письмо Василия. Тела паренька журналисты не обнаружили среди погибших. Значит, была надежда, что он выжил в том бою. Отец молча сидел перед экраном телевизора и несколько раз подряд посмотрел репортаж. Прошло полгода, когда отец позвонил Михаилу и сообщил, что сын живой вернулся из Чечни по ранению. Он получил пулю в ногу, хромает, но остался жив.

Самое страшное для Михаила было разослать те самые горячие письма убитых. Он переписывал адреса на конверты, боясь подглядеть хоть строку из самого письма. Это были письма с того света, родители и близкие люди ещё не знали, что авторы писем уже погибли. Журналисты честно исполнили данное обещание – разослали письма.

На всякий случай Михаил переписал репортаж и исходник материала на отдельную кассету, думая о том, что журналисты копируют эти последние кадры живых пехотинцев их родным. Последнюю весточку с той войны. Но ни на Михаила, ни на Антона из родственников так никто и не вышел. А кассета пылится на полке уже семнадцать лет.

Осенью 2012 года Михаил, который уже работал военным корреспондентом телеканала, снимал похороны Павла Грачёва. С бывшим министром обороны пришли проститься все генералы, которые участвовали в первой чеченской войне. Гроб, сверкавший дорогим лаком, бережно вынесли из Дома российской армии и загрузили на роскошный катафалк. Вокруг суетились офицеры и солдаты в бушлатах. Один молодой солдатик повернул голову в шапку, и Михаилу на мгновение почудилось, что это был тот самый сержант морской пехоты, а вокруг него – весь его погибший взвод.

“Ну, вот и встретились, у вас будет о чём поговорить, долго же вы ждали”, – печально подумал журналист.

Ноябрь 2012 года

МОЛЧУН

Егору в подразделении дали кличку “Молчун”. В свои 20 лет он был водителем БМП и, по мнению его сослуживцев, очень хорошим водителем. Несколько раз на спор он, прямо как в фильме “Четыре танкиста и собака”, вгнчал в дерево гвоздь “сотку” ребром лобовой брони своей боевой машины. Егор всё время молчал. В армию он попал, вылетев с первого курса института за какой-то конфликт с деканом. Но кличка “Студент” к нему так и не прилипла, две драки один на один со старослужащими поставили всё на свои места. К нему окончательно перестали задираться после того, как он тихо сказал на ухо одному накачанному дураку-дембелю: “Полезешь ко мне – тихо убью тебя ночью так, что никто не узнает...” Впоследствии к Егору приходили со своими проблемами сослуживцы и получали от него хорошие и вдумчивые советы.

Так сложилось, что Молчун со своим БМП попал в центр Грозного в новогоднюю ночь 1995 года. Он тогда не знал, что этот дурной и необдуманный приказ прошёл по генеральской цепочке после телефонного разговора Генштаба с частями группировки, введённой в Чечню для захвата Дудаева и “сепаратистов”, как их тогда вежливо называли в Москве. Не знал, что умные генералы, такие как Лев Рохлин, от этой глупости отказались. Не знал, что у министра обороны Павла Грачёва был день рождения, и в пылу водочного застолья руководящие лица Минобороны пообещали за быстрое окончание грозненского “блицкрига” звезды Героев России.

Приказ был прост: прорваться в центр города и захватить дворцовую площадь и дворец.

Ещё тогда, когда его батальон получил приказ выдвигаться в Чечню, Молчун где-то нашёл карту Грозного и долго её изучал, рассматривая анатомию центральных улиц, Черноречья, Минутки, Заводского района и берегов Сунжи. Егор улыбался чему-то, подсвечивая карту карманным фонариком.

– Что ты там ищешь, Молчун? На такси, что ли, хочешь покататься? Командир знает, как идти, идём колонной, чего всё это изучать? – спросил его боец с соседней БМПшки.

– На всякий случай, мало ли что... – ответил Егор.

В части за Егором заметили ещё одну особенность: у него всегда всё было. Как в боевой машине он возил кучу всяких инструментов и приборов для двигателя, так и в личной сумке, переделанной из сумки санинструктора, было всё, что могло понадобиться в экстренной ситуации, от иголок и батареек для фонарика до бутылки чистой воды. Пятнадцать пакетов бинтов, даже операционные иглы, как в ноже Рэмбо. К нему все обращались, если нужно было что-то починить или приспособить. Даже новая присказка появилась в части: “Если чего нет, сходи к Молчуну, у него найдёшь”.

Начинало темнеть, когда плотная колонна брони втянулась в боковую улицу. Видимо, ведущая машина с командирами всё-таки сбилась с маршрута. Колонна начала вилить по переулкам, пытаясь найти более широкую улицу. Указатели повсюду были сняты. Везде было пустынно, ни одного человека. Это было зловеще, в воздухе ощущалось недоброе. Время от времени бойцы, сидевшие сверху на броне, замечали, что на них внимательно смотрят из окон пятиэтажек люди. Бойцы инстинктивно сжимали автоматы, снятые с предохранителей. Никто не вышел к колонне, никто не захотел показать путь к дворцу.

Егор, хоть и видел в свой узкий триплекс только корму впереди идущей БМПшки, всё это прекрасно ощущал своей кожей.

“Змейка” из бронемашин свернула в переулок, где-то впереди послышалась автоматная и пулемётная стрельба, загрели сухие разрывы гранатомётов.

“Бой! Значит, и нас встретят огнём. Тихого Нового года не будет!” – подумал Молчун. Больше всего ему хотелось в этот момент оказаться за праздничным столом с родителями, открыть бутылку шампанского, наесться салята оливые перед телевизором.

“Мечты, мечты... – ухмыльнулся он про себя. – Сейчас нас накормят...”

Он прекрасно понимал, что только самоубийцы могут идти по враждебному городу на бронетехнике. Или наивные люди. Его лейтенант, командир экипажа, сформулировал мысли водителя одной фразой: “Что-то мне это не нравится”. Но комбат ещё надеялся, что дворец удастся захватить без боя. Он, видимо, не читал записок генерала Ермолова об упорстве чеченцев в бою. А зря.

Пулемётная струя резанула БМПшку Молчуна по касательной, энергетика пуль сразу отдалась в больном зубе водителя.

Машина с ходу врезалась в затормозивший впереди броник. Егор не видел, как под снайперским огнём пехота, сидевшая на броне, как желуди с дерева, посыпалась вниз на землю. Кто-то уже был убит, кто-то искал защиту за катками БМПшки.

Егор услышал, как в машину перед ним и за ним почти одновременно ударили заряды РПГ-7. Этот характерный звук ни с чем нельзя перепутать – как щелчок бичом, коротко и сухо.

Молчун отреагировал интуитивно, а не сознательно. Он потом уже понял, что его “коробочка” будет следующей. На реверсе он дал полный газ. БМП ударила в горящую машину и отодвинула её на полметра в сторону. Затем вперёд подвинулась горящая перед ним “коробочка”. Он уже и сам не соображал, как ему удалось повернуть влево, вырваться из плотной колонны бронетехники, которую боевики расстреливали, как в тире, из окон второго этажа ближайшего дома справа. Не видел, как с верхних этажей бросали гранаты “Ф-1” на парашютиках, как они взрывались ещё в воздухе, над головами пехотинцев. Тем, кто свалился с брони в правую сторону, повезло меньше: они сразу же попали под пулемёты и СВД боевиков, стрелявших по колонне из каждого окна пятиэтажки, стоявшей в пятидесяти метрах от дороги. Те, кто залёг слева от горящих машин, ещё отстреливались, но их взяли на мушку несколько снайперов из домов с противоположной стороны улицы. И это был всего лишь вопрос времени – когда их всех, лежащих к стрелкам спиной, по очереди перестреляют, пока они ведут бой из автоматов по окнам первого ближайшего дома.

БМП Молчуна, растолкав соседей, стремглав выскочила из плена и рванула на бешеной скорости вперёд по улице. В угол дома ударил заряд от гранатомёта – кто-то выстрелил из РПГ, но промахнулся. Егор гнал “коробочку” по узкой улице. Затем метров через триста вдруг дал по тормозам. Да так, что БМП ещё метров пятьдесят тащило на гусеницах по асфальту, выбивая искры.

Егор на мгновение высунулся из люка, затем взялся за управление. Боевая машина пехоты юркнула в переулок и стала набирать скорость.

“Куда уходить? Везде одно и то же, везде смерть”, – пронеслось в голове солдата.

Несколько раз он на полной скорости проскакивал перекрестки, где его машину обстреливали из автоматов. Он не знал, остался кто-то у него на броне или там уже никого не было. Связь молчала.

– Командир, что молчишь? – спросил он по связи. Ответом была тишина.

Через три-четыре улицы Егор сбросил скорость, остановился, вылез из люка и окинул участок темнеющей в ночи улицы быстрым взглядом.

Затем Молчун развернул БМП поперёк улицы и аккуратно выдавил часть забора у ближайшего дома. БМП, пятясь задом, медленно въехала во двор частного дома и продавала сарай, спрятавшись под его крышей, как рак-отшельник в пустой раковине.

– Всё, приехали, – сказал Егор, вылезая из БМПшки. Он вытащил сперва свою сумку санинструктора, затем автомат.

В доме не было света, скорее всего, там никого не было.

“Повезло, — подумал он. — Хоть в этом. За подмогой не побегут... — Егор осмотрел башню, прикрытую настилом крыши. — Люк командира закрыт, может, закрылся о крышу?” — сообщил водитель.

— Эй командир, ты здесь?

Молчун зашёл со стороны задних дверей десанта. Одна из них была закрыта, другая открыта и искорежена. На ней чернела кровь и виднелись лоскуты формы.

— Похоже, я кого-то из своих раздавил о вторую БМП, когда сдавал за дом в колонне. Но ведь в десанте никто не сидел, все пересели наверх, на броню.

Заглянув в БМП, Егор увидел, что на командирском месте сидел лейтенант Николай, его голова была насквозь прошита пулей от СВД. “Высунулся и сразу словил, одним из первых. Отвоевался, даже не начав воевать...” — подумал Молчун. Он понял, что за считанные секунды все, кроме командира, покинули машину. Ему повезло остаться в живых. И если бы не предпринял резких маневров и не ушёл бы с поля боя, гореть бы ему сейчас в броне на той злосчастной улице.

— Вот ведь как бывает! Ни одного выстрела не сделали. Тир, да и только, — сказал сам себе тихо, оглядывая чеченский двор.

Егор залез на сиденье водителя и долго там копался. Он поставил “растяжку” у педалей, вторую — со стороны десанта.

— Если полезут, а они полезут утром, своё словят, сволочи...

Егор прошёл крадучись на задворки дома. Там за забором начинался двор соседа.

Где-то вдалеке стихал бой — это заканчивалось уничтожение его колонны.

“А ведь прошло не более десяти минут, быстро уничтожили”, — подумал он и прислушался.

Звучали короткие очереди, сухо щёлкали одиночные выстрелы снайперов. По характеру стрельбы, когда никто уже не отвечал дружным огнём, он понял, что колонну уничтожили.

“Добивают раненых... Сейчас начнут грабить оружие и боеприпасы...”

Молчун был разумным и сообразительным человеком, несмотря на свой молодой возраст. Он понимал, что после боя начнётся “зачистка”: боевики станут обыскивать сначала ближайшие подвалы, потом те, что следуют на второй линии от места боя. Кто-то наверняка запомнил, как его БМПшка ушла от расстрельного огня гранатомётов. Начнут искать машину. Нужно было уходить, и как можно быстрее.

Новогодняя темнота на задворках улицы была ему подмогой.

— Куда идти?

Егор перелез через забор и осторожно подошёл к окну соседнего дома. Там тоже, судя по отсутствию света и каких-либо звуков, никого не было.

“Э, да вы все ушли жечь нашу колонну, — с печалью подумал солдат. — Ну, ладно, тогда я войду”.

Молчун выдавил аккуратно стекло в окошке, открыл створку и забрался в дом. В нём было тепло. И тут только он осознал, что замерзает в эту первую январскую ночь. В пылу боя он и не чувствовал холода, да и в БМПшке было жарко от работающего двигателя. Егор, сжимая в руках снятый с предохранителя автомат, осмотрел дом. Никого не было. На кухне он открыл холодильник. Там были какие-то овощные консервы, копченая ставрида и батон колбасы. Он забрал колбасу. Нашел батон хлеба в хлебнице и три литровых бутылки газированной минералки. Всё это он сложил в пластиковый пакет и уже в туалете, где не было окон, раскрыл свою карту и достал фонарик. Долго соображал, где он находится. Получалось, что он всего в трёх улицах от центральной площади. Если, конечно, Егор не ошибался. Он собрал вещи и так же тихо покинул дом.

Логика подсказывала, что идти назад было нельзя, там повсюду были враги, идти в центр, ко дворцу — тоже. Спрятаться в частном секторе Черноречья было бы лучше всего, но для этого следовало пересечь полгорода, а это было самоубийство. Получалось: куда ни кинь — всё клин.

Молчун прошёл задворками несколько зданий, пока не упёрся в чей-то частный автосервис.

— А ведь это то, что надо: кто будет ремонтировать автомашины, когда в городе идут бои, — здраво рассудил он.

Егор забрался в самый дальний угол двора автосервиса, где были свалены какие-то доски и старые трубы. Сбоку под листом ржавой кровельной жести, приподняв его и поставив на пару коротких обрезков трубы, он оборудовал себе лежанку. Он читал в книгах, что во время Великой Отечественной так поступали снайперы, оборудуя свою точку для стрельбы. Нашёл у станка для шиномонтажа старый промасленный ватник, положил его на землю, предварительно подстелив под него ещё и кусок тепличного целлофана, чтобы ватник не промок. Со стороны выхода замаскировался другим листом железа и парой канистр от масла.

Светало, вставало позднее зимнее солнце. Мороза не было, было влажно и сыро, как часто бывает в Грозном на Новый год.

Егор лежал в норе и думал. Сколько ему придётся так пролежать, пока в город войдут российские части? Он этого не знал, да и в Генштабе этого не знали. То, что войдут, сомнений не было. Сумеет ли солдат продержаться? Всё это, как и его жизнь, было под вопросом. Но будет день, будет и пища. Батона колбасы ему хватит на неделю, может, на две. Его беспокоила вода: три литра, казалось, хватит ненадолго. Надо растянуть...

Вдруг в утренней тишине Егор отчетливо услышал вдалеке приглушённый взрыв.

“Ага, словили “растяжку”. Не думали, что кто-то после такого убийственного уничтожения колонны будет ещё и БМП минировать! – с гордостью подумал водитель. – Я, не сделав ни одного выстрела, уже отомстил. Будете знать, что не все русские – беспечные ребята!”

И тут ему в голову пришла мысль, что чеченцы будут искать водителя, который заминировал БМП. Искать по всем прилегающим дворам. А значит, придут и в автосервис. Егор пододвинул к себе автомат. У него было два рожка – на пять минут боя. В кармане он нащупал гранату РГД.

– Подорвусь на гранате, если найдут. Всё равно расстреляют... – решил он.

Солнце стояло высоко над головой, когда во двор сервиса въехало сразу несколько джипов. Из них вышли люди в камуфляже. На одном, как успел заметить через щель между трубами Егор, была каракулевая папаха с зелёной шариятской полосой. Молчун не знал, что это был Яндарбиев. Не знал, что из второго джипа вышел Басаев. Пять человек прошли в конторку автосервиса.

Территорию двора заполнила охрана – человек пятнадцать в чёрных беретах, с автоматами в руках.

А вскоре во двор вбежали несколько добровольцев, на головах у них уже были каски, снятые с убитых в расстрелянной колонне солдат, а в руках – их автоматы.

Егор не понимал гортанной речи чеченцев, в которой проскакивали русские слова, но догадался, что речь шла о нём.

– Что вам здесь надо?

– Брат, мы ищем русского солдата, который покинул колонну БМП и заминировал свою машину на соседней улице. Молодой доброволец полез в неё и погиб, ещё двое ранены, головы сунули в люк, дураки...

– Здесь идёт совещание командиров, уходите!

– Хорошо, брат, мы пойдём в следующий двор, а вы посмотрите здесь, вдруг он у вас. Он не мог далеко уйти. Найдёте – убейте его на месте! Аллаху акбар!

Добровольцы вышли за ворота. А охранники Яндарбиева и Басаева переглянулись и осмотрели двор автосервиса. Им было лень искать одинокого русского солдата, поднимать для этого металлический хлам. Добровольцы обязательно сделали бы это, они, как ищeyки, нашли бы молодого парня под листом жести и расстреляли бы его под улюлюканье толпы. Но Егора спасло совещание, которое проходило в этот момент в конторе автосервиса.

Один охранник подошёл к куче железа и пнул ногой пустую канистру изпод масла. Она брызнула остатками “Кастрола”, который залил ему носок армейского ботинка. Тот брезгливо стёр масло бумажной салфеткой, которую достал из кармана, и выругался по-чеченски.

Сердце Молчуна бешено стучало, казалось, оно сейчас выскочит из груди. Канистрой он прикрыл вход в свою норку. Нужно было только приподнять жестяной лист, чтобы обнаружить солдата. Но охранник не стал этого делать.

Он пошёл к джипу. И правильно сделал, потому что автомат Егора смотрел ему прямо в лоб.

“А может, завалить всех этих важных командиров одной очередью, когда выйдут, — пришло ему вдруг в голову. — Нет, это самоубийство, — трезво решил Молчун”.

Басаев и Яндарбиев быстро покинули автосервис. Охрана побежала следом. Боевик, ближе других подошедший к лежанке Егора, бросил горящую сигарету в масляную лужу. Она потухла с шипением.

Днём Молчун стал замерзать. Необходимо было подвигаться, но под железным листом было мало места. И он двигал пальцами ног в грубых армейских берцах.

Только когда стемнело, он вылез из своего убежища по большой нужде. При помощи куска жести тщательно присыпал всё мокрой, пропитанной маслом землёй, потом прокрался к воротам, выглянул на улицу.

И вдруг началась стрельба. По улице в его сторону бежал безоружный солдат, за ним гналась толпа добровольцев, стреляя трассерами по ногам.

Инстинктивно Егор вскинул автомат и прицелился в догоняющих. Бегущий солдат заметил его и рванул к нему.

Палец Молчуна уже начал плавно давить на спуск, когда где-то на полпути к автосервису солдата срезали очередью, и он упал.

— Не стреляй! — успел он выкрикнуть, падая и умирая на ходу.

Егор так же плавно убрал палец с курка.

Он увидел, как чеченцы окружили тело убитого солдата. Видимо, боец дернулся, его тут же добились короткой очередью. Егор снова услышал такое непривычное для его слуха заклинание: “Аллаху акбар”!

— Убили собаку! Он прятался в подвале!

Молчун вздрогнул, быстро вернулся, заполз в своё убежище и взялся за автомат.

Несколько добровольцев забежали во двор автосервиса. Двое из них были юнцами 14–15 лет. В руках они сжимали автоматы.

— Ваха, может, здесь тоже кто-то прячется? Общем!

— Нет, охранники Шамиля здесь всё осмотрели, пойдёмте в следующий подвал...

Толпа пошла дальше по улице.

— Пронесло, слава Богу, — начал успокаиваться Егор.

Его всё больше беспокоили пальцы на ногах. Он понимал, что не сможет долго лежать под листом железа. Это была смерть — смерть от холода. Два раза в сутки он отрезал от батона по кусочку колбасы, заедал его чёрствым хлебом и запивал большим глотком минералки. Но надо было что-то делать.

И тогда он решился. В конце концов, какая разница, какой будет смерть, — ведь важен только результат!

Молчун ночью зашёл в конторку — маленькую комнату автосервиса, где стоял стол с неработающим телефоном да пара видавших виды диванов. В углу стоял большой газовый баллон и самодельная газовая печка со шлангом. Он зажёл печку, не включая света. На печке согрел чайник, покопался в сумке санинструктора, достал и заварил в стеклянной банке пакетик чая, припасённый ещё в мирные времена, до похода в Чечню. Выпил чаю, согрелся. Затем снял ботинки и носки. Пальцы ног были грязными, он в свете фонарика всматривался в них — нет ли обморожения. Ноги постепенно согрелись у печки. Егор вытащил из воротничка булавку, прожёл её на газовой конфорке, уколол пальцы. Боль от укола чувствовалась во всех пальцах.

— Слава Богу, пальцы не обморожены, — заключил он.

Стала подсыхать и обувь. Так он и просидел в темноте и тепле до самого утра, проваливаясь на несколько минут в тревожный полусон.

Егор осмотрел конторку, сорвал штору из красивой зеленой ткани. Ножом сделал себе портянки. Накрутил их на ноги и надел ботинки. Сразу стало легче.

Убрав все следы своего пребывания, поставив на место старый чайник, он спрятал банку в угол и перекрыл газ. Пошёл обратно в свою нору.

Это было правильное решение: он согрелся, ногам было сухо, а значит, они перестали мерзнуть.

Егор вовремя покинул конторку, так как на рассвете туда вернулись боевики. Скорее всего, они тоже зашли погреться. Покинули они это место через пару часов. Егора перестали искать, полагая, что он ушёл из центра города.

Каждую ночь Молчун грелся в конторке, днём отлеживаясь под листом железа.

Так продолжалось несколько дней, пока стрельба откуда-то издалека не стала приближаться к автосервису. Боевики уже не заходили во двор. Он только видел, как они пробегали по улице то в одну сторону, то в другую.

– Наши близко! – решил водитель БМП.

Он был прав, так как на следующий день бой уже шёл через несколько домов от него. Во двор вбежали несколько добровольцев и заняли оборону внутри автосервиса, прячась за старыми машинами. Их было четыре человека, все молодые ребята, кроме одного, по виду сорокалетнего. У него на голове была каска.

– Наша каска, из сожжённой колонны. А вдруг моя? – почему-то подумал Егор.

Его наполнила такая лютая злость, что, отодвинув жёсть, он вылез из убежища. По крыше конторки ударил наш пулемёт. Чеченцы оказались заперты во дворе автосервиса. Улица явно простреливалась нашими. В открытые ворота Егор увидел, как мимо пролетел БТР.

И тогда Егор встал в полный рост с автоматом в руке. Боевики его не видели, но он видел их спины. Хладнокровно одиночными выстрелами он расстрелял всех четверых.

– Как в тире, как у нашей колонны, – печально ухмыльнулся он.

Затем подошёл и добил двух, которые были ещё живы.

– Ребята, здесь чисто. Не стреляйте, я свой! – хриплым голосом прокричал он.

Во двор осторожно просунулась голова в каске.

Егор стоял с автоматом в руках, ни от кого не прячась.

Бойцы из подразделений Льва Рохлина, освобождавшие перекрёсток за перекрёстком, вошли во двор автосервиса.

– Ты кто такой? – спросил его молодой голубоглазый парень в бронежилете, надетом поверх грязного ватника.

– Я водитель БМП, из расстрелянной колонны... Егор я.

– Ну, бывает же такое, мужики – парень выжил. Девять дней. Из новгородных...

Так Егора спасли наши.

Спасли и передали особистам. Егора долго допрашивали. Он устал отвечать на нелепые вопросы. Видимо, особисты собирали показания выживших и компромат на случай, если когда-нибудь начнётся “разбор полётов” неудавшегося новогоднего штурма Грозного.

Это потом начнут подсчитывать потери новогодней ночи. Картина будет неприглядная. На улицах Грозного мы потеряли убитыми и пропавшими без вести более полутора тысяч человек. В 81-м мотострелковом полку – 63 убитых, 75 пропало без вести, сгорели 13 танков и 7 БМП. 131-й Майкопской бригаде повезло ещё меньше, она потеряла 189 человек убитыми, пленными и пропавшими без вести, 20 танков Т-72 из 26-ти, 102 БМП из 120-ти. Описание потерь можно было бы продолжать, но всё и так ясно. Автор этих строк ещё 7 января 95-го года видел на улицах Грозного многочисленные тела погибших российских солдат. Большая часть из них – это те, кто погиб при новогоднем штурме. Все они, припорошенные снегом, лежали на улицах в позах людей, которые, отстреливаясь, оборонялись, а вовсе не нападали.

Но вернёмся к Егору, который сидел в тесном кунге особиста, держа в руках шапку.

– И почему же ты остался живой? – спросил его пышущий здоровьем майор с жёстким, как будто вырубленным из куска дерева лицом.

– Так получилось. Я выдернул свою БМП из сжавшейся бронекolonны и ушёл переулками от обстрела...

– Значит, в бою ты не участвовал? Сбежал?

– Товарищ майор, мы были, как мясо в тире. Это было бессмысленно. Мне повезло.

– Ты нарушил присягу и убежал, бросив своих товарищей. Получается, что ты трус, – последние слова особист сказал, как будто читал приговор.

– Если бы я начал стрелять, меня бы положили. Там снайпера были и с фронта боя, и с тыла. Вести бой было самоубийством. А вы, наверное, нашли всех тех, кто отстреливался. Они ещё там лежат?

Майор сверлил его тяжёлым взглядом.

– А что другие рассказывают, из тех, кто выжил?

Майор молчал.

По долгому тяжёлому молчанию Егор вдруг понял, что, похоже, уничтожили-то всех или почти всех. Может, он был первым, кого нашли. Может быть, жив ещё кто-то.

– А так ты живой остался, да? – спросил, наконец, майор.

– Да, выжил. И не только выжил, но ещё и убил четверых бандитов!

– Я читал отчёт тех, кто тебя нашёл. . .

– Я не трус. А что, надо было умереть? Я выжил и могу воевать. Я заминировал машину, на ней подорвались чеченцы. А надо было лечь под их пулями? Всё равно погибнуть?

Майор, который ни разу сам не был в бою, явно не понимал Егора.

– В 41-м был приказ Сталина: “Ни шагу назад”. Тех, кто уходил с поля боя, сдавался в плен, потом ловили и расстреливали, как трусов. Историю читал, наверное?

– Сейчас не 41-й год. И мы воюем не с немцами. И в плену я не был, свой боевой автомат я сохранил и с ним вернулся, – твёрдо ответил Молчун. Он понимал, что разговора с особистом не получится.

Майор вдруг сменил гнев на милость, смягчился и спросил уже другим тоном, без начальственных ноток в голосе.

– Твоя информация подтвердилась. Но как ты продержался целых девять дней?

Егор тяжело вздохнул.

– Могу нору свою показать. Продержался и выжил. Могу воевать дальше.

– Вот ведь какая штука. Почему выжил? Товарищей твоих мёртвых, которых уже собаки поели, вывозят с вертолётной площадки в Андреевской долине пачками. . .

– А вот выжил! Не надо было? – Егор посмотрел в глаза особисту открытым и спокойным взглядом.

Майор не нашёлся, что ответить, отвёл глаза. Затем взял ручку и что-то написал в сопроводительных бумагах, которые Егору никогда не увидеть. Показал ему на дверь. Разговор был окончен.

Егора комиссовали. Он вернулся домой. Долго родные пытались расспрашивать его о том, как он воевал. Он отмалчивался.

Вся война его длилась недолго, пять минут. И ещё девять дней борьбы за свою жизнь, девять дней существования человека в роли дичи, загнанной охотниками под лист кровельного железа.

“Правильно ли я поступил? А вдруг я трус? – холодок от этой мысли пробежал у него по спине, когда он принимался думать об этом. – Нет, я, повинаясь холодному рассудку и природной сообразительности, правильно всё сделал, я выжил, и этим всё сказано. Я никого не предавал. А ведь мог, поддавшись стадному чувству и слепой вере в правильность идиотского приказа командиров, отстреливаться, как все, из-под гусениц, затем был бы убит снайпером или, того хуже, когда кончились патроны, попал бы в плен. – От этой мысли его покорило. – Нет, я правильно сделал. Война штука не простая”, – заключил про себя Егор. Но эти мысли он никогда так и не высказал никому вслух. Он был молчаливым человеком.

Март 1995 года

ВОЛОДЯ-СНАЙПЕР

У Володи не было рации, не было никаких новых “прибамбасов” в виде сухого спирта, питьевых трубочек и прочего барахла. Не было даже разгрузки, бронежилет он не взял сам. У Володи был только старый дедовский охотничий карабин с трофейной немецкой оптикой, тридцать патронов, фляга с водой и печенье в кармане ватника. Да, была шапка-ушанка, облезлая. Сапоги, правда, были хорошие, он после прошлогоднего промысла купил их на ярмарке в Якутске, прямо на славе у Лены у каких-то заезжих торгашей.

Вот так он и воевал уже третий день. Промысловик-соболятник, 18-летний якут из дальнего оленьего стойбища. Надо было так случиться, что пришёл в

Якутск за солью и патронами, случайно увидел в столовой по телевизору груды трупов российских солдат на улицах Грозного, дымящиеся танки и какие-то слова о “снайперах Дудаева”. Врезалось Володе это в голову, да так сильно, что вернулся охотник на стойбище, забрал свои заработанные деньги, продал и намытое золотишко. Взял дедовскую винтовку и все патроны, засунул за пазуху иконку Николая-угодника и поехал воевать якут за российское дело.

О том, как ехал, лучше не вспоминать, о том, как три раза сидел в КПЗ, как много раз отбирали винтовку. Но всё-таки через месяц якут Володя прибыл в Грозный.

Слышал Володя только об одном исправно воюющем в Чечне генерале, его и стал искать в февральской распутице. Наконец, якуту повезло, и он добрался до штаба генерала Льва Рохлина. Единственным документом, помимо паспорта, была у него рукописная справка военкома о том, что Владимир Колотов, охотник-промысловик по профессии, направляется на войну, с подписью военкома. Бумажка, которая поистрепалась в дороге, уже не раз спасала ему жизнь.

Рохлин, удивлённый тем, что кто-то сам прибыл на войну по собственному желанию, велел пропустить якута.

Володя, щурясь на мигающие от генератора тусклые лампочки, отчего его раскосые глаза ещё больше расплылись, по-медвежьи, боком зашёл в подвал старого здания, где временно разместился штаб генерала.

– Извини, пожалуйста, вы и есть тот генерал Рохля? – уважительно спросил Володя.

– Да, я Рохлин, – ответил уставший генерал, пытливо всматриваясь в человека маленького роста, одетого в потёртый ватник, с рюкзаком и винтовкой за спиной.

– Чаю хотите, охотник?

– Благодарствуйте, товарищ генерал. Горячего уже три дня не пил. Не откажусь.

Володя достал из рюкзака свою железную кружку и протянул её генералу. Рохлин сам налил ему чаю до краёв.

– Мне сказали, что вы прибыли на войну самостоятельно, с какой целью, Колотов?

– Видел я по телевизору, как чеченцы наших из снайперских ваят. Не могу терпеть это, товарищ генерал. Стыдно, однако. Вот и приехал, чтобы их валить. Денег не надо, ничего не надо. Я, товарищ генерал Рохля, буду сам по ночам на охоту ходить. Пусть мне место покажут, куда патроны и еду будут класть, а остальное я сам делать буду. Устану, через недельку приду, отосплюсь в тепле денёк и снова пойду. Рации и всего такого не надо... тяжело это.

Удивлённый Рохлин закивал головой.

– Возьми, Володя, хоть новую СВДэшку. Дайте ему винтовку!

– Не надо, товарищ генерал, я со своей косой в поле хожу. Только патронов дайте, у меня сейчас всего 30 осталось...

Так Володя начал свою войну, снайперскую.

Он отоспался сутки в штабных кунгах, несмотря на минные обстрелы и жуткую пальбу артиллерии. Взял патроны, еду, воду и ушёл на первую “охоту”. В штабе о нём забыли. Только разведка каждые три дня исправно приносила патроны, еду и, главное, воду в условленное место. И каждый раз убеждалась, что посылка исчезла.

Первым о Володе вспомнил на заседании штаба радист-“перехватчик”.

– Лев Яковлевич, у “чехов” паника в радиозэфире. Говорят, что у русских, то есть у нас, появился некий чёрный снайпер, который работает по ночам, смело ходит по их территории и валит безбожно их личный состав. Масхадов даже назначил 30 тысяч долларов за его голову. Почерк у него такой: бьёт этот мóлодец чеченцев аккурат в глаз. Почему только в глаз – пёс его знает...

И тут штабные вспомнили про якута Володю.

– Еду и патроны из тайника берёт регулярно, – доложил начальник разведки. – А так мы с ним ни словом не перекинулись, даже и не видели ни разу. Ну, как он от вас тогда ушёл на ту сторону...

Так или иначе, в сводке отметили, что наши снайпера их снайперам тоже прикурить дают. Потому что Володина работа давала такие результаты – от 16 до 30 человек промысловик валил выстрелом в глаз.

Чеченцы раскусили, что появился на площади Минутка русский промысловик. А поскольку на этой площади происходили все события тех страшных дней, то изловить снайпера вышел целый отряд чеченских добровольцев.

Тогда, в феврале 95-го, на Минутке “федералы”, благодаря хитрому замыслу Рохлина, уже перемололи почти три четверти личного состава “абхазского” батальона Шамиля Басаева. Немалую роль сыграл здесь и карабин якута Володи. Басаев обещал золотую чеченскую звезду тому, кто принесёт труп русского снайпера. Но ночи проходили в безуспешных поисках. Пятеро добровольцев ходили по передовой в поисках “лежанок” Володи, ставили растяжки везде, где он только мог появиться, в прямой видимости своих позиций. Однако это было такое время, когда группы и с одной, и с другой стороны прорывали оборону противника и глубоко вклинивались в территорию. Иногда так глубоко, что уже не оставалось никаких шансов вырваться к своим. Но Володя спал днём под крышами и в подвалах домов. Трупы чеченцев – ночную “работу” снайпера – хоронили на следующий день.

Тогда, устав терять еженощно по 20 человек, Басаев вызвал из резервов в горах мастера своего дела, учителя из лагеря по подготовке юных стрелков, снайпера-араба Абубакара.

Володя и Абубакар не могли не встретиться в ночном бою – таковы уж законы снайперской войны!

И они встретились через две недели. Точнее, Абубакар зацепил Володю из буровской винтовки. Мощная пуля, убивавшая когда-то в Афганистане советских десантников наповал на расстоянии в полтора километра, прошла ватник и слегка зацепила руку, чуть ниже плеча. Володя, ощутив прилив горячей волны сочащейся крови, понял, что наконец-то началась охота и на него.

Здания на противоположной стороне площади, а точнее – их развалины сливались в володиной оптике в единую линию. “Что же блеснуло, оптика?” – думал охотник, а он знал случаи, когда соболевидел сверкнувший на солнце прицел и уходил восвояси. Место, которое он выбрал, располагалось под крышей пятиэтажного жилого дома. Снайперы любят находиться наверху, чтобы всё видеть. А лежал он под крышей, так ведь под листом старой жести хоть не мочил мокрый тёплый снежный дождичек, который то шёл, то переставал.

Абубакар выследил Володю лишь на пятую ночь – выследил по штанам. Дело в том, что у якута штаны были обычные, ватные. Это американский камуфляж, который носили чеченцы, пропитывался специальным составом, чтобы форма была невидима в приборах ночного видения, а отечественная светилась ярким салатовым светом. Так Абубакар и “вычислил” якута в мощную ночную оптику своего “Бура”, сделанного на заказ английскими оружейниками ещё в 70-х.

Одной пули было достаточно, Володя выкатился из-под крыши и, падая, больно ударился спиной о ступеньки лестницы. “Главное, винтовку не разбил”, – подумал снайпер.

– Ну, значит, дуэль! – сказал себе мысленно якут без лишних эмоций.

Володя специально прекратил кромсать “чеченские порядки”. Аккуратный рядок 200-х с его снайперским “автографом” в глазу прекратился. “Пусть поверят, что я убит”, – решил Володя.

Сам же только и делал, что высматривал, откуда же до него добрался вражеский снайпер.

Через два дня, уже днём, он нашёл “лежанку” Абубакара. Он также лежал под крышей, под полусогнутым кровельным листом на другой стороне площади. Володя бы и не заметил его, если бы арабского снайпера не выдавала дурная привычка: он покуривал анашу. Раз в два часа Володя улавливал в оптику лёгкую синеватую дымку, поднимавшуюся над кровельным листом, сразу сносимую ветром.

“Вот я и нашёл тебя, абрек! Без наркоты не можешь! Хорошо...” – думал с торжеством якутский охотник. Он не знал, что имеет дело с арабским снайпером, прошедшим и Абхазию, и Карабах. Но убивать его просто так, прострелив кровельный лист, Володя не хотел. У снайперов так не водилось, а у охотников на пушнину – и подавно.

– Ну, ладно, куришь ты лежа, но “по малой нужде” придётся тебе встать, – хладнокровно решил Володя и стал ждать. Только через три дня он вычислил, что Абубакар выползает из-под листа в правую сторону, а не в левую, быстро делает дело и возвращается на “лежанку”. Чтобы “достать”

врага, Володе пришлось ночью поменять точку стрельбы. Он не мог ничего сделать заново: любой новый кровельный лист сразу же выдаст новую позицию снайпера. Но Володя нашёл два поваленных бревна от стропил с куском жести чуть правее, метрах в пятидесяти от своей точки. Место было прекрасное для стрельбы, но уж очень неудобное для “лежанки”. Ещё два дня Володя высматривал снайпера, но он не показывался. Володя уже решил, что противник ушёл насовсем, когда на следующее утро вдруг увидел, что он “открылся”. Три секунды на прицеливание и – с лёгким выдохом пуля пошла в цель. Абубакар был сражён наповал в правый глаз. Он упал плашмя с крыши. Большое жирное пятно крови растекалось по грязи на площади.

“Ну вот, я тебя и достал”, – подумал Володя без какой-либо восторженности или радости. Он понял, что должен продолжить свой бой, показав характерный почерк. Доказать тем самым, что жив и что противник не убил его несколько дней назад.

Володя всматривался в оптику в неподвижное тело сражённого противника. Рядом он увидел и “Бур”, который он так и не распознал, так как таких винтовок ранее не видел. Одним словом, охотник из глухой тайги!

И вот тут он удивился: чеченцы стали выползать на открытое место, чтобы забрать тело снайпера. Володя прицелился. Вышли трое, склонились над телом.

Пусть поднимут и понесут, тогда и начну стрелять! – торжествовал Володя.

Чеченцы действительно втроем подняли тело. Прозвучали три выстрела. Три тела упали на мёртвого Абубакара.

Ещё четыре чеченских добровольца выскочили из развалин и, отбросив тела товарищей, попытались вытащить снайпера. Со стороны заработал российский пулемёт, но очереди ложились чуть выше, не причиняя вреда сгорбившимся чеченцам.

“Эх, пехота-мабута! Только патроны тратишь цинками...” – подумал Володя.

Прозвучали ещё четыре выстрела, почти слившись в один. Ещё четыре трупов уже образовали кучу.

Володя убил в то утро 16 боевиков. Он не знал, что Басаев отдал приказ во что бы то ни стало достать тело араба до того, как начнёт темнеть. Его нужно было отправить в горы, чтобы захоронить там до восхода солнца, как важного и почтенного моджахеда.

Через день Володя вернулся в штаб Рохлина. Генерал сразу принял его, как дорогого гостя. Весть о дуэли двух снайперов уже облетела армию.

– Ну, как ты, Володя, устал? Домой хочешь?

Володя погрел руки у “буржуйки”.

– Всё, товарищ генерал, работу свою выполнил, домой пора. Начинается весенняя работа на стойбище. Военком отпустил меня только на два месяца. За меня работали всё это время мои два младших брата. Пора и честь знать...

Рохлин понимающе закивал головой.

– Винтовку возьми хорошую, мой начштаба оформит документы...

– Зачем, у меня дедовская. – Володя любовно обнял старый карабин.

Генерал долго не решался задать вопрос. Но любопытство взяло верх.

– Сколько ты сразил врагов, считал ведь? Говорят, более сотни... чеченцы переговаривались.

Володя потупил глаза.

– 362 человека, товарищ генерал.

Рохлин молча похлопал по плечу якута.

– Поезжай домой, мы теперь сами справимся...

– Товарищ генерал, если что – вызывайте меня заново, я с работой разберусь и приеду во второй раз!

Орден мужества нашёл Володю Колотова через шесть месяцев. По этому поводу пили спирт всем колхозом, а военком разрешил снайперу съездить в Якутск купить новые сапоги – старые прохудились ещё в Чечне: наступил охотник на какие-то железяки.

В день, когда вся страна узнала о гибели генерала Льва Рохлина, Володя услышал о случившемся по радио. Он три дня пил спирт на заимке. Его нашли пьяного в избушке-временке другие охотники, вернувшиеся с промысла. Володя всё повторял: “Ничего, товарищ генерал Рохля, если надо, мы приедем, вы только скажите...”

Март 1995 года